

Ю. В. АНДРЕЕВ

ЦЕНА СВОБОДЫ И ГАРМОНИИ

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ
ГРЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Санкт-Петербург
2023

ББК 63.3(0)32
УДК 94(38)
А65

Андреев Ю. В.

Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Евразия, 2023. — 528 с.

ISBN 978-5-8071-0581-3

Книга Юрия Викторовича Андреева, вдохновенного исследователя Античности, — первая в отечественной литературе работа, посвященная менталитету и психологии древних греков. Эта книга о том, как природа и окружающая среда влияли на формирование их национального характера, об умении древних греков правильно мыслить, сохранять присутствие духа и находить выход из самых трудных ситуаций, об их исключительной изобретательности, предприимчивости; об их любви к игре в самых различных ее видах, о чувстве меры во всем, умении видеть и воспринимать прекрасное в памятниках литературы и искусства, о возникновении Олимпийской религии и тесно связанного с нею героического жизнеотношения, об устройстве греческих городов-полисов — принципе единства в многообразии. И самое главное — о создании первого в мире правового общества (государства — полиса), проложившего путь к европейской демократии.

Книга адресована всем интересующимся историей Древних цивилизаций и зарождением государства европейского типа.

ISBN 978-5-8071-0581-3

© Андреев Ю. В., Шадричева Л. В., 2022
© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2023
© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Пролог. Феномен греческой цивилизации	8
Глава 1. В ожидании «греческого чуда»	23
Глава 2. Страна и люди. Бедные, бережливые, предприимчивые	47
Глава 3. Между городом и деревней. Микрокосм греческого полиса ...	71
Глава 4. Единство в многообразии. Политический сепаратизм и принцип народовластия	100
Глава 5. Рождение личности. Гомер, Гесиод, Архилох	129
Глава 6. Индивид и полис. Между Сциллой тирании и Харибдой деспотии закона	173
Глава 7. Героический идеал. Воины, атлеты, мыслители	212
Глава 8. Детство человечества, или Игра как стиль жизни	254
Глава 9. Бодрствующий разум. Победы и поражения	291
Глава 10. Красота человека — красота космоса. В поисках стилистической формулы греческой цивилизации	326
Глава 11. Парадоксы греческой религии, или Апология язычества ...	373
Глава 12. «Сумерки свободы», или Тяжкое бремя цивилизации	422
Эпилог. Из Европы в Евразию	468
Примечания	486
Рекомендации для дальнейшего чтения	509
Список работ Юрия Викторовича Андреева	512

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге мы хотели рассказать читателю о древнегреческой цивилизации, известной также как классическая, или античная, греческая цивилизация. Все эти определения достаточно условны. И все же без них не обойтись. Ведь за многовековую историю страны, именуемой ныне Грецией, на ее территории сменились по крайней мере четыре очень сильно различающиеся между собой цивилизации, создатели которых говорили в принципе на одном и том же, хотя и менявшемся от тысячелетия к тысячелетию греческом языке и поэтому опять-таки достаточно условно могут быть названы греками [1]. В их число обычно включают существовавшую в глубокой древности, а точнее в бронзовом веке, или во II тыс. до н. э., микенскую цивилизацию, затем сменившую ее в начале следующего I тыс. до н. э. и существовавшую вплоть до первых веков I тыс. н. э. классическую греческую цивилизацию, о которой и пойдет речь в этой книге, далее возникшую в IV в. н. э. и уничтоженную в XV в. турками-османами византийскую цивилизацию и, наконец, сформировавшуюся в XIX в. после освобождения страны от турецкого ига современную греческую цивилизацию, которая входит в более широкую систему европейской цивилизации. Классическая греческая цивилизация занимает в этом ряду совершенно особое место как явление в полном смысле слова исключительное, единственное в своем роде, чего нельзя сказать о трех других греческих цивилизациях.

Сразу же спешим предупредить читателя. В этой книге он не найдет истории Древней Греции в обычном понимании этого слова, т. е. последовательного рассказа об основных событиях и процессах, составляющих историю греческого народа в древности. Не найдет он здесь и систематического описания греческой цивилизации во всех основных формах и проявлениях ее исторического

существования, таких как экономика, государство, военное дело, семья и брак, театр, литература, искусство, философия, наука и т. д., хотя так или иначе касаться всех этих предметов нам, конечно, придется по ходу нашего изложения. Книг как того, так и другого рода, в которых греческая цивилизация оценивается как с чисто исторической (диахронической), так и с систематической (синхронической) точек зрения, существует уже очень много, и чаще всего они лишь на разные лады повторяют друг друга. Нам не хотелось бы вести читателя по одной из этих двух уже давно проторенных дорог. Свою главную задачу мы видим в том, чтобы как можно более ясно и определенно показать, в чем именно заключалось подлинное своеобразие и самобытность этого удивительного исторического феномена, что отличало греческую цивилизацию от других существовавших одновременно с ней или еще до нее цивилизаций Древнего мира, что определило ее особое положение среди этих цивилизаций и ее опять-таки особую роль в истории человечества.

Ни одна цивилизация, ни одна культура не может быть по-настоящему понята и оценена вне психологии создавшего ее народа. И в этой книге мы попытаемся сконцентрировать внимание читателя на том, что принято называть «менталитетом» древних греков, т. е. на особенностях их психического склада, их мировосприятия, отношения к жизни и смерти, эстетических вкусов и склонностей, жизненных идеалов, форм поведения и т. д., и т. п. Все это поможет нам найти ключ к разгадке самого феномена греческой цивилизации, объяснить ее стремительный взлет, бурный расцвет и последующий упадок. Цивилизация как воплощение психики этноса, его духовной жизни, его интеллекта и эмоций, его сознания и подсознания — вот главная тема этой книги.

Начиная свой рассказ о безумствах и злодеяниях римских императоров, великий историк П. Корнелий Тацит пытался уверить читателей, что он приступает к нему «без гнева и пристрастия». В действительности же в мировой литературе трудно найти книгу более пристрастную, чем его «Анналы» и «История». Слава богу, история — не математика и, надеемся, никогда ею не станет. Даже самый объективный историк остается человеком, которому «ничто человеческое не чуждо». Его субъективность выдает себя уже в самом отборе фактов, которые он учитывает или, наоборот, не учитывает в своем повествовании. Ведь учесть все практически невозможно. Настоящий историк не пытается скрыть свои симпатии и антипатии и не откладывает их в сторону, когда берется за перо.

Он стремится только к тому, чтобы как можно лучше их обосновать. В своей книге мы старались следовать именно этому правилу.

Книга рассчитана на массового, но вместе с тем и достаточно подготовленного читателя, т. е. на людей, уже в какой-то степени знакомых с историей античного мира и серьезно ею интересующихся. Для них это будет еще один шаг в познании великого прошлого европейской культуры.

В основу книги положен курс лекций, прочитанных автором на историческом факультете Петербургского государственного университета в 1994–1995 гг.

ПРОЛОГ

ФЕНОМЕН ГРЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

И вот все снова прорывается при случае искренняя злоба против этого претенциозного народца, осмеливающегося называть все чуждое «варварским» на все времена; кто это такие, спрашиваешь себя, что при всей кратковременности своего исторического блеска, при потешной ограниченности своих политических учреждений, при сомнительной доброкачественности нравов, запятнанных даже безобразными пороками, — тем не менее претендует на то достоинство и особое положение среди народов, которое гений занимает в толпе?

Фр. Ницше

Афины? Я был там... Там чувствуешь, что лишь тот воистину сын Европы, кто способен в лучшие свои часы возвращаться сердцем к Элладе. Там страстно желаешь, чтобы персы, в каком бы облике они ни возвращались, снова и снова терпели поражение.

Т. Манн

«Греческое чудо». С помощью этих двух слов авторы книг и статей, посвященных греческой цивилизации, ее зарождению и развитию, нередко пытаются выразить всю ту сложную гамму мыслей и чувств, которая связана в их сознании с этим во всех отношениях необычным историческим феноменом. Но что чудесного совершил «этот полудикий рабовладельческий народец, очень хорошо изображавший наготу человеческого тела и строивший приятные на вид здания», как сказал однажды о греках не без оттенка иронии Лев Толстой? Историк-востоковед мог бы заметить по этому

поводу: «Египет, Двуречье, Индия, Иран, Китай — вот настоящие страны чудес, где все так загадочно и таинственно, все — и природа, и творения рук человеческих — поражает воображение своей грандиозностью, фантастической причудливостью форм. Самый большой и красивый греческий храм, например афинский Парфенон, может показаться маленьким и невзрачным, если поставить его рядом с вавилонским зиккуратом или с могучим лесом колонн египетских храмов Луксора и Карнака. Прославленные шедевры греческой скульптуры вроде знаменитых фризів того же Парфенона или Пергамского алтаря, пожалуй, покажутся слишком сухими и даже безжизненными на фоне тех замысловатых сплетений сотен фигур людей и животных, которыми были украшены порталы и стены святилищ древней Индии и Индокитая. А что сказать о необычайно глубоких и сложных религиозных учениях и мифологиях Древнего Востока? В сравнении с ними греческие мифы о богах и героях производят впечатление незатейливых детских сказок. Да и сами греки охотно признавали себя всего лишь неразумными детьми рядом с египтянами и вавилонянами и благоговейно склонялись перед величием и тысячелетней мудростью народов Востока».

И все же на общем фоне истории Древнего мира, да и не только древнего, греческая цивилизация воспринимается как нечто и в самом деле необыкновенное, как некое чудо или, если перейти на язык строгой науки, как резкое отклонение от общих норм, как неповторимое, уникальное явление, нигде и никогда более не встречающееся в истории человечества. Все древневосточные цивилизации при всем их многообразии более или менее однотипны и в наиболее существенных своих чертах и особенностях так или иначе повторяют друг друга. Одна лишь греческая цивилизация ни на кого не похожа и никого не повторяет [2].

Отметим лишь некоторые наиболее характерные ее особенности, действительно резко выделяющие ее среди других цивилизаций, как исторически ей предшествовавших, так и существовавших одновременно с ней или уже после нее. Поражает прежде всего исключительный динамизм греческой цивилизации в сравнении с ее соседями как на востоке, так и на западе, явно ускоренные по меркам той эпохи темпы ее исторического развития. Пять или шесть столетий, составляющие период ее наиболее активной жизнедеятельности (имеется в виду хронологический отрезок, начинающийся где-то около середины VIII в. до н. э. и заканчивающийся около середины II в. до н. э.) остались в памяти человечества

как какое-то непрерывное извержение творческой энергии. За этот не столь уж продолжительный, а по масштабам истории Древнего мира и совсем короткий исторический срок греки успели сделать так много, как ни один другой народ не сделал за всю свою историю. За каких-нибудь три столетия (VIII–VI вв. до н. э.) они совершили поистине грандиозный скачок из варварства в цивилизацию, от первобытной сельской общины к государству-полису, от господства родовой знати к демократии, от натурального хозяйства к высокоразвитой товарно-денежной экономике. Темпы культурного развития греческого общества не находят аналогий в истории древнего человечества. За четыре-пять столетий был пройден огромный путь от религиозно-мифологического мышления, отягощенного множеством первобытных суеверий и предрассудков, к философии и науке в колоссальном многообразии их школ и направлений (в сфере интеллектуальной), от чисто фольклорных форм мифологии и героического эпоса к настоящей литературе, представленной такими жанрами, как эпическая, лирическая и драматическая поэзия, историография, философский диалог, роман и т. д. (в сфере словесного творчества), от примитивных орнаментальных росписей ваз геометрического стиля и столь же примитивных бронзовых и терракотовых статуэток к до сих пор еще никем не превзойденному пластическому совершенству классической и эллинистической скульптуры и живописи (в сфере изобразительного искусства).

За это время греками было сделано множество удивительных открытий во всех этих областях интеллектуального и художественного творчества. Везде и во всем они были в полном смысле слова первооткрывателями, первопроходцами и вместе с тем учителями и наставниками, которым с благодарностью внимали многие поколения ученых, философов, политиков, писателей и художников в другие времена и в других странах. Говоря о замечательных культурных достижениях древних греков, все время приходится употреблять слово «первые»: первые труды по математике, медицине, астрономии, логике и т. д., первые философские системы, первые историки и географы, первые театры, стадионы, музеи и многое, многое другое.

Но греки не просто сильно опередили в своем культурном развитии другие народы Древнего мира, не исключая и своих восточных соседей: египтян, вавилонян, финикийцев и пр., задолго до них вступивших на этот путь, но, что особенно важно, создали совершенно новый тип цивилизации, качественно отличающийся

от всех других цивилизаций этой эпохи. Греческая цивилизация была в полном смысле слова универсальной. Впервые в истории человечества она создала условия для свободного и всестороннего раскрытия всех физических и духовных возможностей, заложенных природой в каждой отдельно взятой человеческой личности. В странах Востока каждый человек обычно выполнял какую-то одну уже заранее предназначенную ему роль: храброго воина, мудрого сановника, искусного мастера-ремесленника, трудолюбивого земледельца и т. п. Гражданин греческого полиса мог выступать в нескольких ролях одновременно, чередуя занятия торговлей, сельским хозяйством, политикой или военным делом с атлетическими упражнениями, пением и игрой на музыкальных инструментах, участием в философских диспутах и т. п. Поэтому все эти виды социальной и духовной активности развивались в Греции более или менее равномерно, обогащая общий фонд греческой культуры.

Среди цивилизаций Древнего мира греческая цивилизация была первой и единственной, которая во всей своей жизнедеятельности ориентировалась преимущественно на человека, на самоценную и самодостаточную человеческую личность, ставя ее фактически в центр мироздания. В этом смысле мы можем говорить о греческом гуманизме или антропоцентризме, несмотря на то, что грекам были хорошо известны и кровавые, опустошительные войны, и попрание элементарных прав человека, и эксплуатация человека человеком в одной из самых жестоких ее форм — в форме рабства. Тем не менее, именно в Греции человек впервые осознал себя свободной и уникальной личностью, резко отличающейся от массы других внешне похожих на него индивидов. Уровень личной свободы, которой пользовались граждане греческих полисов, оказался недостижимым для всех прочих народов древности. В Греции мы, за редкими исключениями (среди этих исключений наиболее известна Спарта с ее казарменным строем), не находим столь характерного для стран Востока тотального подавления интересов личности ради «высших интересов» государства, чаще всего воплощенного в фигуре самодержавного деспота. Государство не вмешивалось здесь в частную жизнь граждан с той бесцеремонностью и абсолютным безразличием к конкретной человеческой судьбе, которые были отличительными чертами всех политических режимов Древнего Востока от египетской деспотии до иудейской теократии. Не было здесь и «духовной цензуры», т. е. всепроникающего контроля жрецов за настроениями и поведением каждого отдельно взятого человека.

В странах Востока земное государство в лице самодержавного властителя и его вельмож мыслилось как прямое продолжение (своего рода «нижний ярус») государства небесного или царства богов. Поскольку оба эти государства должны были «работать» слаженно, в унисон друг с другом, религия всегда играла огромную, ни с чем не сравнимую роль в жизни всех древневосточных обществ. Мистические верования и магические обряды сопутствовали любому египтянину или шумеру, вавилонянину или хетту на протяжении всего его земного существования, а уж за гробом и подавно. Рациональное в их жизни постоянно смешивалось с иррациональным, естественное со сверхъестественным. В результате их жизнь, как и жизнь большинства первобытных и древних народов, превращалась в некое подобие сказочной фантазмагии или сна наяву. Греки в этом смысле также составляли исключение из общего правила. Не отвергая существования разного рода сверхъестественных сил и, прежде всего, богов и в определенных случаях обращаясь к ним за помощью, они тем не менее старались смотреть на окружающий их мир прямо и трезво, оценивая его рационально, т. е. с точки зрения здравого смысла и по законам хотя бы элементарной логики. И хотя их религиозно-поэтическая фантазия отличалась необычайным богатством, силой и свежестью, о чем свидетельствует в первую очередь греческая мифология и дошедшие до нас многочисленные произведения искусства и литературы на мифологические сюжеты, порождения этой фантазии не преследовали их на каждом шагу, не вмешивались в их каждодневные дела и поступки и вообще не мешали им жить и работать. Граница, отделяющая нормальную человеческую жизнь от жизни вымышленной, мифической, в сознании греков была определена гораздо более четко и ясно, чем в сознании других древних народов.

И, наконец, еще одна необычная черта греческой цивилизации, позволяющая считать ее исключительным явлением на общем фоне истории Древнего мира. В отличие от большинства древних обществ, развивавшихся более или менее изолированно, автаркично и, как правило, замкнутых на самих себе (классическими примерами здесь могут служить Египет и Китай), греческое общество было обществом открытого типа, т. е. ориентированным на широкие контакты с внешним миром с целью обмена не только различными материальными ценностями, но и всевозможной полезной информацией. Египтян, вавилонян, ассирийцев и другие народы Востока соседние страны интересовали либо как очаги военной опасности

и потенциальной агрессии, либо, наоборот, как «ничьи земли», пригодные для расширения своего жизненного пространства, как источники дефицитных видов сырья или дешевой рабочей силы, короче, как объекты захвата и эксплуатации. Греки, приглядываясь к странам, заселенным так называемыми «варварами», т. е. людьми, говорившими на разных языках, непохожих на их собственный, учитывали, конечно, и все это, будучи людьми в высшей степени сметливыми и практичными. Но их интересовало также и многое другое, например природа варварских стран, нравы и обычаи населявших их племен, религия и архитектура и т. д., и т. п. Короче говоря, их интерес к варварам не был чисто потребительским и не сводился к простому учету возможностей присвоения чужой земли, чужих людей, чужого имущества и т. д. В их интересе заключался ярко выраженный элемент любознательности и желания постичь чужую культуру, перенять из нее все наиболее ценное и полезное. При этом греки никогда не копировали слепо все то, что им приглянулось в чужих землях, а старались это чужое приспособить к своим особым потребностям, склонностям и вкусам, сделать заимствованное органической частью своей собственной культуры. Так поступили они, например, с финикийским алфавитом, с египетской скульптурой и архитектурой, с вавилонской астрономией. Эта ярко выраженная способность к критическому отбору, усвоению, переосмыслению и переработке чужого опыта избавила греческую культуру уже на ранних стадиях ее развития от угрозы превращения в провинциальную версию египетской, вавилонской или какой-нибудь другой более древней и более развитой восточной культуры. Заимствуя все и отовсюду, греки при этом ухитрились не просто сохранить оригинальность и неповторимость своей собственной культуры, но и еще более развили и усилили ее.

Все перечисленные только что черты и особенности греческой цивилизации прямо сближают ее с европейской цивилизацией Нового времени, также по своей сути единственной в своем роде среди множества других цивилизаций и культур нашей планеты. Даже и в наше время, во многих отношениях очень далеко ушедшее от античной эпохи, влияние греческой цивилизации на нашу современную цивилизацию все еще остается весьма ощутимым, чего никак не скажешь о цивилизациях Древнего Востока. Как бы ни восхищались мы теперь архитектурой и искусством Древнего Египта, замечательными барельефами, украшавшими дворцы ассирийских и персидских царей, затерянными в джунглях храмами

древней Индии, китайскими изделиями из цветного камня, бронзы и золота, факт остается фактом: из всего этого экзотического великолепия лишь очень немногое сохранилось в нашей современной культуре. Уже давно никто не покушается на строительство пирамид или зиккуратов. Никто не бальзамирует покойников по египетскому способу. Египетские иероглифы и вавилонская клинопись в наши дни пригодны разве что для зашифровки секретных документов. Из всех памятников древневосточной литературы европейские читатели знают по-настоящему одну лишь «Библию», да и то благодаря тому, что еще в эллинистическую эпоху (III в. до н. э.) эта священная книга (или книги) древних евреев была переведена на греческий язык, а уже с него на другие европейские языки. Даже такие, бесспорно, восточные изобретения, как алфавитное письмо, вошли в нашу культуру лишь через посредство греческой письменности.

Вклад греков в нашу культуру намного превосходит все то, что ей дали все, вместе взятые, народы Древнего Востока. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы бегло пересмотреть основной словарный запас любого европейского языка. Вы едва ли найдете в нем хотя бы несколько слов египетского или вавилонского происхождения. Слова, заимствованные из древнееврейского через посредство Ветхого и Нового заветов, встречаются уже чаще, хотя и их тоже в общей сложности не очень много. Зато так называемые «грецизмы», т. е. заимствования из древнегреческого языка, попадают нам буквально на каждом шагу. Ими обильно насыщен язык современной науки, литературы, искусства, политики, причем часто встречаются слова, которых еще не было и не могло быть в самом греческом языке, придуманные сравнительно недавно, но образованные тем не менее опять-таки из греческих корней, как, например, аэродром, телефон, космонавт, бионика, кибернетика и т. п. Даже в нашей обиходной речи мы нередко, сами того не ведая, употребляем слова греческого происхождения, например, кровать, шкаф, школа, церковь, цирк, тетрадь, огурец, уксус и др.

Кроме грецизмов древнейшая лексика современных европейских языков включает в свой состав, пожалуй, не менее многочисленные латинизмы, т. е. заимствования из латинского (римского) языка. Вообще говоря, римляне были учениками и эпигонами греков и зачастую лишь более или менее удачно копировали греческие образцы. Однако в течение долгого времени, по крайней мере, до начала XIX в. греческая культура была известна народам Европы

в основном по этим латинским копиям и переделкам, а не в своем подлинном первоначальном виде. Поэтому в языке образованной части европейского общества грецизмы постоянно перемешивались с латинизмами, образуя во всей их совокупности как бы единый универсальный лексикон науки и культуры.

Разумеется, греческие и латинские слова пришли в новые европейские языки не просто сами по себе, а в сопровождении тесно связанных с ними понятий, идей, художественных образов. Поэтому можно без особых колебаний утверждать, что не только речь образованного европейца, жившего, скажем, в XVIII, XIX или начале XX в., строилась по греческим и латинским образцам, но и весь его образ мыслей и чувств, его взгляды на мир и людей, его мораль, то, что принято называть «системой ценностей», и т. д. В его художественном воспитании также на первом месте долго оставались эстетические каноны или идеалы красоты, выработанные великими греческими архитекторами, скульпторами, живописцами задолго до Рождества Христова. Эти идеалы с младенчества прививались ему фигурами греческих богов и героев, которые повсюду наполняли залы дворцов и музеев, фасады как частных, так и общественных зданий, аллеи садов и парков. Лишь с началом в европейском искусстве эры импрессионизма и в особенности авангардизма эти античные призраки начали мало-помалу исчезать из повседневной жизни.

Все это вновь возвращает нас к мысли об исключительности, даже уникальности греческой цивилизации среди других цивилизаций Древнего мира. В сущности, греки были единственным из всех народов древности, которым удалось выйти на магистральный путь исторического прогресса, соединяющий античный мир с европейской цивилизацией Нового времени. Это был настоящий прорыв в будущее, прорыв тем более поразительный, что и в развитии производства, и в добывании основных средств существования греки не сумели оторваться на сколько-нибудь значительную дистанцию от других обитателей Древнего мира. Технологической основой их цивилизации, как и во всех вообще древних обществах, всегда оставался самый примитивный ручной труд, за всю античную эпоху не достигший даже уровня мануфактуры, не говоря уже о машинном производстве. Если же говорить об обеспеченности природными ресурсами, то здесь их положение было далеко не столь благоприятным, как положение соседних с ними «варваров», особенно населявших такие плодородные земли, как Египет,

Двуречье, Фракия, Скифия, Сицилия, Южная Италия и т. д. Занимая каменистую, почти бесплодную, искромсанную морем оконечность Балканского полуострова и прилегающие к ней острова Эгейского моря, греки на протяжении всей своей истории вели упорную, каждодневную борьбу с бедностью и голодом.

Все это неизбежно ставит перед нами вопрос: почему, даже оказавшись в столь неблагоприятном положении, не располагая ни сколько-нибудь обширными пахотными землями, ни большими пастбищами для скота, ни крупными залежами металла, греки все же сумели так сильно опередить в развитии своих гораздо более благополучных соседей по ойкумене, создали чрезвычайно высокую и непохожую на все остальные цивилизацию и теперь сквозь толщу тысячелетий беседуют с нами как подлинные «братья по разуму»? Пытаясь ответить на этот вопрос и сознавая свое бессилие в его решении, английский философ Б. Рассел писал: «Во всей истории нет ничего более удивительного и ничего более трудного для объяснения, чем внезапное возникновение цивилизации в Греции». Как мы видим, для Рассела рождение греческой цивилизации было событием неожиданным, внезапным, т. е. никак не подготовленным предшествующим развитием древних обществ Средиземноморья и потому удивительным. Здесь снова приходит на ум уже известное словосочетание «греческое чудо».

Но строгая наука чудес не признает, и, следовательно, надо попробовать объяснить и сам уникальный феномен греческой цивилизации, и его действительно как бы внезапное появление на исторической сцене, исходя из предположения о каком-то исключительном, можно даже сказать, «счастливом» стечении благоприятных исторических, геополитических и каких-то иных обстоятельств, сложившемся именно в той части древнего Средиземноморья, которую мы называем «Грецией», или «Эгейским миром», и именно в то время (VIII–VII вв. до н. э.), которое принято теперь считать временем зарождения греческой цивилизации. О многих составных элементах, участвовавших в этой загадочной «химической реакции», мы, вероятно, так никогда ничего и не узнаем, о других можем лишь догадываться. Но некоторые важные моменты уже и сейчас кажутся вполне очевидными. Так, едва ли можно считать случайным совпадением то обстоятельство, что появлению первых греческих полисов или, как их не совсем точно называют, «городов-государств», непосредственно предшествовала одна из самых радикальных технических революций

древности — переход от индустрии бронзы к индустрии железа. В Греции этот переход приходится в основном на X–IX вв. до н. э. Первые «проблески» цивилизации нового типа, в том числе и первые полисы, становятся различимыми в следующем, восьмом, столетии. Поспешим, однако, оговориться: конечно же, невозможно объяснить всю неповторимую прелесть и обаяние классической Эллады, исходя из одного лишь факта замены бронзы железом в качестве основного индустриального металла. Примерно в это же самое время «железный век» вступил в свои права также и в других странах древнего Средиземноморья, таких как Малая Азия, Кипр, Сирия, Палестина, Италия. Однако ничего даже отдаленно напоминающего «греческое чудо» мы в этих краях не наблюдаем. Широкое внедрение железных орудий труда в греческое ремесло и сельское хозяйство так же, как и железного оружия — в греческое военное дело, могло, как и повсюду в других местах, лишь ускорить развитие греческого общества, но отнюдь не оно определяло характер и направление этого движения.

Вероятно, не в меньшей степени благоприятствовала стремительному росту греческих полисов и геополитическая ситуация, сложившаяся в этой части Средиземноморья. В течение целого ряда столетий — по крайней мере с XI до середины VI вв. до н. э. — греки были в буквальном смысле слова предоставлены самим себе и могли спокойно заниматься своими делами, не опасаясь чьего-либо постороннего вмешательства. В это же самое время на просторах азиатского континента разворачивались грандиозные исторические события, рушились и возникали вновь большие и малые царства, сталкивались в смертельных схватках племена и народы. До греков вести об этих катаклизмах доходили лишь как отдаленный гром. Вплоть до возникновения мировой Персидской державы (во второй половине VI в. до н. э.) они оставались в полной безопасности, отделенные от наиболее страшных очагов военной агрессии той эпохи морем и горами. В то же время, овладев в достаточной степени искусством мореплавания, они могли по своему усмотрению выбирать себе партнеров по торговым сделкам как на Востоке, так и на Западе и, свободно передвигаясь на своих кораблях в пределах почти всего Средиземноморского бассейна, заимствовали у других народов все, что считали для себя необходимым и полезным. Впрочем, и в этой особой благосклонности к ним исторической судьбы греки были не совсем одиноки. Соседние с ними племена этрусков и италиков, населявшие Апеннинский полуостров, находились вплоть до